
Леонтович О.А.

**СЛОВО И ОБРАЗ В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА. –
Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.¹
(Реферат)**

Ключевые слова: культурно маркированные значения; внешний контекст; внутренний контекст; макроконтекст; микроконтекст; культурный контекст; внутренняя речь; квазикоммуникация; псевдокоммуникация; псевдопонимание.

Ольга Аркадьевна Леонтович – профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета, научный руководитель лаборатории коммуникативных исследований и Центра российско-китайских межкультурных исследований, директор Центра американистики, специалист в области межкультурной коммуникации².

В монографии исследуется формирование и историческая динамика культурно маркированных значений, рассматривается их дискурсивная реализация.

¹ Материал подготовлен в рамках государственного задания по теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/napravleniia-nauchnykhssledovaniitemyinir/lingvokulturnye-aspekty-tsvivilizatsionnykh-protivorechii/>

² Автор работ: (в соавт. с Е.И. Шейгал) Жизнь и культура США : лингвострановедческий словарь. – Волгоград : Станица-2, 2000. – 416 с.; Россия и США : введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград : Перемена, 2003. – 398 с.; Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Москва : Гнозис, 2005. – 351 с.; Введение в межкультурную коммуникацию. – Москва : Гнозис, 2007. – 366 с.; Методы коммуникативных исследований. – Москва : Гнозис, 2011. – 221 с.; Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. – Москва : Гнозис, 2014. – 222 с.; и др.

Книга состоит из краткого предисловия (указывается, что она построена на авторских публикациях разных лет), десяти глав и заключения.

Как отмечается в главе первой «Культурно маркированные значения и смыслы: истоки и критерии разграничения», вопрос, что первично – значение или смысл, – подобен вопросу про курицу и яйцо, т.е. утверждается отсутствие оппозиционных отношений между названными феноменами и указывается, что «смысл всегда намного сложнее и богаче значения. Значение может составлять ядро смысла, но может оказываться и его периферийным компонентом... Статичность значения, практика его фиксации в словарях обуславливают возможность его разложения на семы, анализа его сигнификативного, денотативного и коннотативного компонентов и т.д. Смыслы, в свою очередь, текучи и подвижны» (с. 11). Статичность значения связана с его внеконтекстностью и обеспечивает возможность взаимопонимания между коммуникантами, динамика смысла обусловлена его контекстуализацией в условиях определенной культуры.

Для исследования О.А. Леонтович актуальны понятия внешнего и внутреннего контекстов по Э. Холлу¹. Внешний контекст, общий для всех коммуникантов, – сфера, условия, место и время общения (хронотоп); внутренний контекст включает прошлый опыт коммуникантов, совпадающий для них в том объеме, который определяет коллективную память, менталитет, национальный характер, ценностные установки. Различия во внешнем и внутреннем контекстах во многом культурно обусловлены, так как может не совпадать «ментальная база опознания» (У. Эко²) объектов окружающего мира, специфика мировосприятия и целеполагания.

В монографии используются также понятия макро- и микроконтекста: государство рассматривается как макроконтекст, а конкретное место, где осуществляется коммуникация, – как микроконтекст. Формулируется вывод, что инвариантные значения 'прорастают' смыслами, упав на почву культурного контекста.

¹ Hall E.T. The Silent Language. – Garden City, NY : Doubleday, 1959. – 240 p.; Hall E.T. The Hidden Dimension. – Garden City, NY : Doubleday, 1966. – 201 p.

² Эко У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – С. 102.

Культурная составляющая может быть заложена как в самом значении, так и формироваться за счет макро- и микроконтекста» (с. 15). При этом культурная составляющая значений и смыслов реализуется на всех языковых уровнях – от фонетического до текстового.

Основной проблемой главы второй «Национально-культурная специфика понимания» является проблема выявления первичности двух ментальных процессов: язык ли членит хаотичное мышление в соответствии со своими структурными особенностями, или, наоборот, национально-специфическое мышление диктует языку способ членения на единицы? Автор полагает, что разложение мысли на составляющие происходит на стадии формирования внутренней речи: «Если порождение речи осуществляется на неродном языке, то конфликт между родным и иностранным языком может начаться уже на этом этапе. В зависимости от уровня культурно-языковой компетенции и 'включенности' в чужое культурно-языковое пространство, хаотичное мышление будет распадаться на единицы в соответствии с тем, как это будет предписано родным или чужим языком» (с. 26). Однако уровень владения чужим языком и даже умение думать на нем не означает, что человек может членить мир так же, как и носитель того языка, поскольку использование иностранных слов не гарантирует соответствующего склада мышления: существуют различные коды внутреннего программирования.

Подчеркиваются следующие аспекты понимания: 1) оно всегда интерпретативно, т.е. коммуниканты по-разному трактуют соотношение между поверхностными и глубинными смысловыми структурами, что наиболее отчетливо проявляется при использовании фразеологизмов: часто значение целого не выводится из совокупности значений отдельных языковых единиц, как, например, при использовании идиом, тропов, непрямых речевых актов: *тех же щей, да пожижже влей; тянуть kota за хвост; you take a better door than you do a window* (ср. рус. «ты не стеклянный»); *柔肠* «нежные кишки (печаль, грусть, тоска)»; 2) любому языковому выражению может в коммуникации приписываться индивидуальное значение; 3) «понимание обязательно предполагает возможность непонимания как своей противоположности» (с. 29), т.е. понимание всегда относительно, в связи с чем О.А. Леонтович

считает адекватным понимание, «достаточное для координации действий индивидов внутри данного социума в конкретной коммуникативной ситуации. Поскольку понятие достаточности так же относительно, как и понятие полноты понимания, можно утверждать, что эффективность совместной деятельности может возрастать пропорционально глубине взаимопонимания» (с. 31).

Различаются понятия квази- и псевдокоммуникации. Первое состоит в нарушении целостности коммуникативной цепочки, чего могут не замечать/не осознавать участники общения. Во втором случае возникает псевдопонимание, возможное как во внутри, – так и в межкультурном общении. Приводятся следующие примеры псевдопонимания:

В 1953 г. британская полиция задержала двух молодых людей при их попытке ограбить склад – Дерек Бентли и Кристофа Крейга. Полицейский потребовал, чтобы Крейг отдал ему оружие. Дерек произнес фразу “Let him have it, Chris”, которая может быть истолкована двояко: «Пусть возьмет, Крис» или «Задай ему, Крис». Крейг выстрелил, убил одного полицейского и ранил другого. Значение фразы обсуждалось во время судебного процесса, в конечном итоге Бентли был приговорен к смертной казни.

В 1945 г. Великобританией, США и Республикой Китай была опубликована Потсдамская декларация, в которой излагались условия капитуляции Японии во Второй мировой войне. В ответ японцы заявили, что будут придерживаться политики *mokusatsu* («на данный момент без комментариев»), что американцы ошибочно перевели на английский как “rejection by ignoring” («отказ в виде игнорирования»). Ошибка была обнаружена только после того, как на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы.

Характеризуя механизмы понимания в межкультурной коммуникации, О.А. Леонтович выделяет следующие их особенности: 1) конвергентность мышления (ряд факторов приводит коммуникантов к одному и тому же выводу; факты чужой культуры объясняются по аналогии со своей культурой) или дивергентность мышления (участники общения приходят к разным логическим выводам, отталкиваясь от одних и тех же факторов; этот тип мышления позволяет коммуниканту развести явления родной и чужой культуры, делая допуски на возможные культурные различия и их адекватное объяснение).

В главе третьей «Типология культурно маркированных значений» типы таких значений различаются с учетом следующих параметров: 1) форм выражения (эксплицитные, полужексплицитные, имплицитные значения); 2) степени соответствия формы и содержания (истинно культурные, квазикультурные, псевдокультурные значения); 3) места культурно маркированного значения в семантической структуре наименования (первичные и вторичные значения); 4) способов передачи содержания (фактуальные, описательные, образно-символические, концептуальные значения) и т.д. (всего в книге выделяется девять типов культурно маркированных значений).

Авторская точка зрения, представленная в главе четвертой «Лингвокультурные особенности мировосприятия (на материале китайского и русского языков)», строится на трактовке языка как линзы, «через которую преломляется реальность. На стадии, предшествующей языковому воплощению, образ мира характеризуется расплывчатостью и неопределенностью. Лишь будучи вербализованными, предметные ряды и взаимоотношения между объектами приобретают более явные очертания и занимают свое место в системе человеческого мировидения» (с. 63). Рассматриваются особенности концептуализации и категоризации мира через призму китайского языка. Они исследуются в сопоставлении с русским языком по таким параметрам, как выбор ключевого признака для именованя, наличие языковых лакун, номинативная плотность концепта, нюансировка значений, различия между коннотациями, систематизация объектов и их место в сложившейся системе предметных значений. Приводятся многочисленные примеры проявления названных особенностей китайской лингвокультуры, в частности, примеры совпадающих либо лакунарных концептов: следующие китайские концепты не имеют однозначных соответствий в русском языке: 后世末裔 «далекие потомки, внуки и правнуки в грядущих поколениях»; 冢孙 «потомок (правнук) в шестом поколении»; 母女 «мать и дочь (как единое целое)». Обращается внимание также на специфику символики чисел: число четыре используется для обозначения смерти (из-за созвучия между словами 四 sì «четыре» и 死 sǐ «смерть»). Число шесть, в противовес русскому восприятию, обозначает удачу, число восемь – богатство и т.д.

В главах с пятой по десятую («“The Divide”: маркеры культурных смыслов и их контекстуализация»; «Страшные детские стишки: историческая динамика правды и вымысла»; «‘Коня на скаку остановит’: прецедентность и интертекстуальность как источники культурно маркированных смыслов»; «Интерпретация смыслов в политическом дискурсе»; «Межкультурное восприятие комических смыслов»; «Культурно маркированные смыслы в кинотексте») анализируются культурно маркированные тексты из различных коммуникативных сфер, показываются варианты формирования национального колорита этих текстов и их макро-смыслов.

Как подчеркивается в заключении, «национально-культурная специфика понимания обусловлена различиями между физическими мирами и языками, по-своему преломляющими мир; сложностью установления смысловых связей между прошлым опытом коммуниканта и новым гносеологическим образом, осваиваемым им при перемещении в чужое культурное пространство; межкультурными расхождениями в интерпретациях поверхностных и глубинных смысловых структур, семиотических знаков, поведенческих стратегий и т.д. (с. 222–223).

Н.Н. Трошина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*